3761

ПРЕДАНІЕ

О ХРАМОВОЙ ИКОНѢ

ВЪ ЦЕРКВИ

СЛОБОДЫ БУГАЕВКИ.

Съ присовокупленіемъ краткихъ свѣдѣній о слоб. Бугаевкѣ

Харьковской губерніи Изюмскаго уѣзда.

ХАРЬКОВЪ.

1876.

3761

Форм. №

376.

ПРЕДАНІЕ

ИЗЪЯТО

О

ХРАМОВОЙ ИКОНѢ

ВЪ ЦЕРКВѢ

СЛОБОДЫ БУГАЕВКИ

Харьковской губ. Изюмскаго уѣзда.

Съ прибавленіемъ краткихъ свѣдѣній о самой Бугаевкѣ.

Вл. Александрова.

032049

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

1876.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 25-го Января 1876 года.

3761

I.

Преданіе.

По случаю празднованія памяти явленія Ахтырской иконы Божіей Матери 2-го іюля, мнѣ случайно пришло на мысль преданіе, существовавшее когда-то на моей родинѣ, харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда въ сл. Бугаевкѣ, гдѣ мой покойный отецъ былъ священникомъ безъ малаго 30 лѣтъ, поступивши туда еще при старыхъ помѣщикахъ Петрѣ и Василіи Михайловичахъ Донецъ-Захаржевскихъ — дядяхъ недавно погибшаго жалкимъ образомъ глубокаго старика Димитрія Андреевича Донецъ-Захаржевскаго. Петръ и Василій Михайловичи были родные братья и жили въ одной деревнѣ, въ Бугаевкѣ, раздѣленной на двѣ дачи, которыя и теперь удержали свои старинныя названія: *Петрівська дача* и *Василівська дача*. Старшій изъ нихъ, Петръ Михайловичъ, велъ жизнь постоянно веселую и былъ въ дѣлѣ религіи человѣкомъ, что называется, такъ себѣ... обыкновеннымъ. Василій же Михайловичъ жилъ поскромнѣе, но изящнѣе и былъ замѣтно религіозенъ. Онъ почти исключительно на свой счетъ построилъ въ Бугаевкѣ прекрасную каменную церковь вмѣсто прежней деревянной Іоанно-Богословской. Старая церковь была на Петровской дачѣ на Мѣщанкѣ, новую же Василій Михайловичъ поставилъ на половинѣ раздѣленія де-

ревни и посвятилъ ее въ честь Ахтырской иконы Божіей Матери. Объ этой-то иконѣ и есть особенное преданіе, которое я знаю отъ моихъ родителей и желалъ бы знать — извѣстно ли оно еще кому-нибудь на мѣстѣ произшествія, т. е. въ Бугаевкѣ, а если не извѣстно, то пусть будетъ извѣстнымъ во славу Божію и въ назиданіе многихъ. Вышесказанная икона, пожертвованная въ церковь Василіемъ Михайловичемъ, была для него дорога и замѣчательна какъ потому, что была благословеніемъ матери, такъ и по особенному событію въ его жизни, оставившему въ душѣ его навсегда сильное впечатлѣніе. Дѣло было въ его молодости и случилось, какъ разсказываютъ, такъ: въ-видахъ блистательной карьеры, очень возможной для такого богатаго и способнаго молодого человѣка, каковъ былъ Василій Михайловичъ, онъ былъ отправленъ на службу въ Петербургъ, и мать при отъѣздѣ благословила его Ахтырскою иконою Божіей Матери. Икона была простая, безъ ризы, на-видъ невзрачная, темная, какъ обыкновенно эта икона рисуется. Путешествіе было предпринято конечно на долгихъ, по тогдашнему времени — на своихъ лошадяхъ, со всѣмъ удобствомъ и, можетъ быть, комфортомъ для молодого барича, — въ каретѣ, внутри которой помѣстился баринъ; а кучеръ и старикъ-дядька заняли свои мѣста внѣ кареты. Было уже лѣто около того времени, какъ празднуется въ честь Ахтырской иконы Божіей Матери, т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ. Изъ Бугаевки путникамъ нужно было выбраться на большую дорогу, шедшую изъ Изюма на Харьковъ и далѣе на Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ и т. д. Проселочная дорога, ведущая изъ Бугаевки на большую дорогу [теперь къ Крючкамъ], и въ настоящее время — не Богъ знаетъ какая: едва накаченъ прослѣдокъ; по-крайней-мѣрѣ такъ было въ моей молодости; а въ тѣ времена, къ которымъ относится этотъ мой разсказъ,

нужно было *прямовать* на дорогу верстъ около 15-ти глухою степью, заросшею высокою травой и бурьяномъ, придерживаясь извѣстныхъ примѣтъ. И вотъ Василій Михайловичъ, оставшись въ каретѣ на-единѣ, съ иконою въ рукахъ, которую его мать подала ему въ карету съ напутственными словами и слезами и которую ему некуда было дѣть, предался мечтамъ о своемъ будущемъ: о великолѣпномъ Петербургѣ, о его блестящемъ обществѣ, о комфортабельномъ знакомствѣ и о томъ, какъ онъ въ Петербургѣ поведетъ жизнь. При такихъ мечтахъ, взглянувши на образъ, бывшій у него въ рукахъ, темный, непоказный, невзрачный, при томъ могущій компрометировать молодого знатнаго барича, потому что вѣдь религіозность у молодыхъ людей вообще бываетъ не въ ходу, онъ, не долго думавши, вышвырнулъ святой образъ изъ кареты въ густую, высокую траву и продолжалъ мечтать. Путешествіе длилось—какъ-только можно себѣ вообразить; но кончилось благополучно. Василій Михайловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Когда устроилась квартира, то дядька, размѣщая вещи, вспомнилъ про св. образъ и спросилъ у барина — гдѣ онъ? Василій Михайловичъ почему-то не счелъ нужнымъ лгать предъ дядькой и прямо сказалъ, что онъ вышвырнулъ его въ степи еще подъ Бугаевкой. Дядька пришелъ въ ужасъ и тутъ-же сказалъ, что не будетъ ему счастья безъ материнскаго благословенія: «*Бо материньска молитва зо дна моря виймае; а хто ії не почитае, той счастья-долі по вікъ не мае*». Баринъ сякъ-такъ угомонилъ дядьку и успокоилъ, а самъ развлекся и позабылъ о своемъ поступкѣ; но — не на-долго. Вскорѣ что-то приключилось ему весьма непріятное и дядька не преминулъ напомнить ему о материнскомъ благословеніи. Василій Михайловичъ промолчалъ; но съ тѣхъ поръ его поступокъ сталъ приходить ему на умъ вся-

кій разъ, какъ-только постигала его какая-нибудь непріятность. Долго ли онъ служилъ въ Петербургѣ, точно не знаю; но служилъ, кажись, года два или три, а можетъ и больше; только служба вопреки всѣмъ благопріятнымъ условіямъ шла для него весьма туго и плохо. Непріятности повторялись чаще и чаще; а дядька всякій разъ твердилъ о материнскомъ благословеніи. Наконецъ получилось извѣстіе о смерти матери Василія Михайловича и онъ совершенно упалъ духомъ, потерявши возможность испросить у нея прощеніе и вторичное благословеніе. Тутъ-то дядька приступилъ къ барину съ настоятельными совѣтами и увѣщаніями бросить службу, ѣхать на родину и употребить всѣ возможныя средства къ розысканію иконы. У самого же Василія Михайловича явилось сильное раскаяніе и даже мелькнула мысль о монашествѣ, въ случаѣ неблагословенія Божія въ розысканіи св. иконы. Такимъ образомъ онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ домой опять на долгихъ, опять на своихъ лошадяхъ. Возвращался онъ изъ Петербурга въ такую-же пору года, какъ и туда изъ дому ѣхалъ; проѣхалъ благополучно весь долгій путь и наконецъ достигъ бугаевской степи. Проѣхали уже степью нѣсколько верстъ; вдругъ лошади, сдѣлавшія тысячеверстную дорогу, усталыя, измученныя, взбѣсились и понесли.... карету опрокинули, повредили; баринъ гдѣ-то вывалился, дядька и кучеръ тоже... наконецъ, лошади умаялись и остановились. Кучеръ и дядька по слѣду измятой травы нашли ихъ стоящими и спокойно щиплющими траву. Барина въ каретѣ не оказалось. Отпрягши лошадей и, привязавъ ихъ къ поврежденному экипажу, кучеръ и дядька отправились искать барина.... Долго-ли, коротко-ли они искали его, — не извѣстно; наконецъ нашли; но какъ?! Онъ лежалъ въ обморокѣ, съ окровавленнымъ лицемъ, а подъ головою икона..., та самая Ахтыр-

ская икона Божіей Матери, которою мать благословила его, провожая въ Петербургъ, и которую онъ такъ легкомысленно выбросилъ вонъ изъ экипажа. Дядька и кучеръ въ изумленіи пали на-колѣни; а Василій Михайловичъ, опамятовавшись и увидѣвши св. образъ, зарыдалъ горячими слезами, благодаря Господа за Его милость и вразумленіе. Дядька предложилъ послать въ Бугаевку кучера верхомъ за другими лошадьми и за цѣлымъ экипажемъ; но Василій Михайловичъ на то не согласился, а порѣшилъ идти домой пѣшкомъ, неся въ рукахъ съ честью св. икону. Вотъ почему онъ потомъ построилъ въ Бугаевкѣ ту церковь, которая и теперь тамъ существуетъ во славу Божіей Матери и въ честь св. иконы Ахтырской; а самую икону, покрывъ дорогою ризою, поставилъ въ церкви какъ храмовую, сказавъ, что онъ не достоинъ, чтобъ этотъ чудотворный образъ украшалъ жилище его, такъ тяжко согрѣшившаго предъ Господомъ и предъ св. иконою Пресвятой Его Матери.

II.

Краткія свѣдѣнія о слободѣ Бугаевкѣ.

Слобода Бугаевка находится въ 30-ти верстахъ отъ своего уѣзднаго города Изюма и 105-ти отъ Харькова и лежитъ на большой дорогѣ, идущей съ сѣвера на югъ—со стороны Воронежа на Цареборисовъ, Изюмъ, Бахмутъ и т. д. По книжному она называется Изюмцемъ вѣроятно потому, что тамъ беретъ свое начало рѣченка Изюмецъ, текущая въ Сѣверный Донецъ и именуемая Мокрымъ Изюмцемъ въ отличіе отъ Сухаго Изюмца. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, есть резонъ думать, что мѣстность, гдѣ теперь находится Бугаевка, въ-старину была однимъ изъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ въ краѣ. Такъ, напримѣръ, вблизи Бугаевки и теперь еще сохранилось старинное укрѣпленіе, называемое по мѣстному «*Роблені могилы*», которыя суть не что иное, какъ въ степи надъ дорогою довольно пространное мѣсто на ровномъ полѣ, обведенное кругомъ высокимъ земляным валомъ, безъ рва снаружи, да такимъ высокимъ, что еще и въ недавнее время (лѣтъ 40! назадъ) онъ имѣлъ въ вышину по-крайней-мѣрѣ аршинъ 7 или 8, если не болѣе. Вокругъ главнаго укрѣпленія находятся продолговатыя, менѣе возвышенныя насыпи, какъ-бы форты впереди крѣпости. Заднею отъ дороги стороною «*Роблені могилы*» обращены къ лѣсу. Объ

нихъ я кой-что слышалъ въ малолѣтствѣ отъ нѣкоего Андрея Мусіевича Мусюрки. Когда мнѣ было еще лѣтъ 7-мь, или 8-мь, то этотъ Андрей Мусіевичъ былъ у моего батюшки работникомъ. Человѣкъ онъ былъ очень старый, большой философъ и по-своему либералъ; такъ, на-примѣръ, онъ не признавалъ надъ собою никакихъ властей. Бывало скажетъ ему отецъ: «а ну лишъ, Андрію, поідь у лісъ, та привези дровъ». Но Андрій думаетъ по своему: если онъ въ духѣ, то поѣдетъ; а если нѣтъ, то только преравнодушно отвѣтитъ: «та ні! Намъ ніколи». И отецъ не настаивалъ потому, что это было бы совершенно напрасно: ужъ что разъ сказалъ Андрій—кончено; отъ того не отступится. И всегда о себѣ онъ выражался во множественномъ числѣ. А иногда бывало смотрятъ.... Андрій ни съ того, ни съ сего запрёгъ воловъ и поѣхалъ. «Куда ты, Андрію? «Але, куды.... у лісъ по дрова!». А дровъ, смотрите, дома весьма достаточно; но это ничего,—онъ ѣдетъ. Человѣкъ этотъ былъ совершенно честный, трезвый, трудолюбивый и характера типично малороссійскаго; невозмутимѣйшаго и малообщительнаго. Меня онъ любилъ и всегда привозилъ мнѣ бывало изъ лѣса или клубники, или полевыхъ вишень (въ Бугаевкѣ называемыхъ травьянками), или кислицъ, т. е. лѣсныхъ яблокъ, или орѣховъ, или зазимовавшихъ ягодъ глёду (боярышника) и т. п., или наконецъ хоть кусочекъ того самаго хлѣба, который бралъ съ собою на дорогу изъ дому же, только бывало скажетъ, что это онъ «у зайця отнявъ». И какимъ тотъ хлѣбъ бывалъ тогда вкуснымъ... прелесть!... Такъ этотъ-то Андрій бывало со мною и въ разговоры вступалъ и я, помню, не разъ спрашивалъ его «*про Роблені могилы*». Що то, діду, за роблені могилы: На віщо воны? «А такъ, скажетъ онъ бывало, кивнувши головою; колись тамъ наші воювались». Съ кимъ, діду, воювались? «А съ татарами

воювались!.» — скажетъ онъ и при этомъ разскажетъ эпизодъ, какъ однажды Татары ворвались въ самую слободу и народъ весь сбѣжался въ городокъ, гдѣ была и пушка; но изъ нея никакъ не могли наши выстрѣлить потому, что какой-то *татарюга* пушку заговорилъ. Тогда наши догадались въ чемъ дѣло и стали спрашивать, нѣтъ ли у кого-нибудь серебра? чтобъ сначала прострѣлить пушку серебромъ. Но никто серебра не предъявилъ. Начали всѣхъ обыскивать и вотъ у одной бабы «*въ калитцѣ*» (кошелькѣ) нашли серебряную монетку; прострѣлили пушку и за-тѣмъ Татаръ прогнали. «Отъ такъ-то, прибавитъ бывало Андрій, воювались». И, должно быть, дѣйствительно воевались; ибо и въ мое время въ Бугаевкѣ еще довольно было огнестрѣльнаго снаряда, который хранился въ господскомъ дворѣ, а въ Свѣтлый праздникъ и въ Крещеніе вывозился и пускался въ дѣло: чуть начинали бывало пѣть въ первый разъ «Христосъ воскресе», какъ раздавался пистолетный выстрѣлъ отъ церкви и потомъ въ продолженіи всей свѣтло-воскресенской заутрени шла пальба изъ пушекъ на выгонѣ, для чего устраивалась батарея близъ кладбища. Во время же обѣдни на Свѣтлый праздникъ стрѣляли за каждымъ промежуткомъ между стихами при чтеніи Евангелія, о чемъ подавался сигналъ изъ церкви на колокольню маленькимъ звонкомъ съ хоръ, а съ колокольни до батареи — звономъ во всѣ колокола. Въ Крещеніе артиллерія выстраивалась на льду пруда на Васильевской дачѣ. И я помню, что тамъ однихъ пушекъ было что-то штукъ шесть, если не больше, всѣ чугунныя, и одна имѣла длины аршина два съ лишнимъ; другія были поменьше; но, кажись, аршина по полтора; да кромѣ того были еще какіе-то мущири. Однимъ словомъ, тамъ воевать было чѣмъ; а какъ по-напрасну такое количество огнестрѣльнаго снаряда держать было бы, я думаю,

не зачѣмъ, то поэтому и слѣдуетъ думать, что тамъ дѣйствительно былъ когда-то одинъ изъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ края. Другое, подобное бугаевскимъ *Робленымъ могиламъ*, военное сооруженіе находится въ 12-ти верстахъ къ сѣверу отъ Бугаевки, подъ сл. Щенячьимъ, называемое Терновою могилою; оно въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ бугаевскія *Роблені могилы*, но такой-же точно формы.

Не-подалеку отъ Бугаевки на югъ, по дорогѣ на Изюмъ, находятся три замѣчательные кургана, стоящіе рядомъ одинъ возлѣ другаго и называемые «*Три-браты*». Названіе и происхожденіе ихъ, кажется, связано съ извѣстною старою малороссійскою думою о трехъ братьяхъ козакахъ, уходившихъ изъ плѣна изъ Азова, изъ которыхъ два были конные, а третій наимладшій пѣшій. Этотъ послѣдній, по словамъ думы, силясь не отстать отъ конныхъ,—

Бѣгомъ за ними подбѣгалъ,
На сырыя коренья,
На бѣлыя каменья
Ноги свои козацкія посѣкалъ;
Кровью слѣды заливалъ,
Конныхъ братьевъ такими словами умолялъ:
Станьте вы, братья, коней попасите,
Меня подождите,
Съ собою возьмите,
До городовъ христіанскихъ подвезите.
Что средній когда услыхалъ, то старшему сказалъ;
А старшій отвѣчалъ:
Развѣ тебѣ еще не далась тяжкая неволя знать?
Какъ будемъ мы брата поджидать,

Будетъ насъ погоня настигать,
Будетъ насъ рубить стрѣлять,
Или же будемъ мы опять въ тяжкой неволѣ пропадать.
Тогда меньшій сталъ отвѣчать:
Въ такомъ случаѣ прошу васъ, братья: на правую сторону
своротите;
Сабли изъ ноженъ выньте, тѣло мое порубите;
Въ широкой степи схороните;
Тѣмъ хоть звѣрю да птицъ меня на поруганіе не дадите.
Но средній братъ когда то услыхалъ,
То меньшему сказалъ:
Того, братъ, отъ роду еще нигдѣ не слыхали,
Чтобъ родною кровью сабли обмывали.
Или острымъ копьемъ прощеніе брали.
Если жъ вы, братцы, не хотите меня убить,
говоритъ меньшій,
То прошу васъ, братцы, когда будете до враговъ доѣзжать,
Терновыя вѣтки въ заполье рубите, ломайте,
Мнѣ для примѣты по пути бросайте.
Съ тѣмъ старшіе братья и ускакали; а меньшаго постигло въ степи первое: безводье; — второе: безхлѣбье..... а третье..... Что
Буйный вѣтеръ въ полѣ повѣваетъ
Бѣднаго козака съ ногъ валяетъ.
Тогда онъ говоритъ самъ себѣ:
Охъ полно мнѣ за конными братьями поспѣшать,
Пора ужъ козацкимъ ногамъ и отдыхъ дать.
Тутъ скоро онъ до Са́воръ-могилы достигалъ,
Подъ Са́воръ-могилою отдыхалъ.

Тогда сизые орлы налетали,
Пристально въ глаза козаку зазирали;
А онъ, когда ихъ увидалъ,
То такія слова сказалъ:

Орлы сизопёрые,
Гости мои милые!

Прошу васъ тогда налетать
Мои каріе очи вынимать,
Когда я не буду больше Божьяго свѣта видать.
Какъ-только онъ это сказалъ,
То черезъ часъ времени милосердному Богу и душу отдалъ.

Тогда орлы налетали,
Карія очи выпивали;

Тогда мелкая птица налетала,
Вокругъ желтыхъ костей тѣло обирала;
Тогда сѣрые волки набѣгали, тѣло козацкое рвали,
По терпамъ, по балкамъ жолтую кость жевали;
Жалобно выли-завывали,—
То они козацкія похороны отправляли.
Гдѣ ни взялась тогда сѣрая кукушечка,
Въ головахъ у казака сѣла, жалобно куковала,
Какъ сестра брата, или мать сына, оплакивала.
А старшіе братья когда стали до христіанскихъ городовъ доѣзжать,
То стала на сердце имъ великая туга налегать.
И средній братъ до старшаго сталъ говорить:
Не даромъ, братъ, на сердце намъ великая туга налегла
Должно быть уже нашего брата меньшого-родного сырая земля приняла.

Если намъ прійдется, братъ, къ отцу къ матери прибыть,
То что мы имъ будемъ о меньшемъ братѣ говорить?
Когда они станутъ у насъ за него отвѣта просить.
Старшій братъ когда то услыхалъ,
То среднему такъ отвѣчалъ:

Скажемъ: не всѣ у одного хозяина въ плѣну были,
Ночною порою изъ неволи уходили,
Его соннаго будили, не разбудили.
Средній братъ когда то услыхалъ:

То старшему брату такими словами отвѣчалъ:
Если мы не будемъ, братъ, отцу и матери правды открывать.
То будетъ насъ отцовская и материнская молитва карать.

И за-тѣмъ:
Когда они коней пасли и отдыхали,
То въ то время безбожные басурманы набѣгали, на части
их разрубали,
Тѣло казацкое рѣзали-карбовали,
Въ чистомъ полѣ раскидали;
Ихъ головы поднявши на сабли, потѣшались
И долго надъ ними издѣвались.—

Такъ-вотъ въ Бугаевкѣ когда-то и думали, что курганы эти насыпаны въ память тѣхъ братьевъ. Въ мое время «*Три Браты*» уже были такъ низки и плоски, что теперь, не знаю, замѣтны ли они?! Если ѣхать изъ Бугаевки въ Изюмъ горою, то есть по дорогѣ мимо «Трехъ Братовъ», и выѣхать на самый возвышенный пунктъ бугаевской степи, то впереди разстилается пространство къ югу, видное по-крайней-мѣрѣ верстъ на 50 или 60, такъ-что мѣстность Изюма остается внизу, а виденъ за нимъ гораздо дальше на горизонтѣ, такъ-называемый, *Теплян-*

скій лѣсъ, находящійся по ту сторону Изюма подъ Славянскомъ, близъ деревни «*Голая Долина*», которая когда-то вмѣстѣ съ Теплянскимъ лѣсомъ и такъ-называемою «*Гострою могилою*» вошла по всему краю въ поговорку по причинѣ часто случавшихся тамъ разбоевъ. Именно говорилося такъ:

Гола Долина,
Гостра могила,
Тепляпскій лісъ—
Тамъ бере чумаківъ бісъ.—

Мѣстоположеніе самой Бугаевки прелестное и уютное, въ долинѣ между двухъ возвышенностей по-надъ рѣкою Изюмцемъ, на протяженіи котораго черезъ слободу, въ мое время, было три пруда: «*Москалівській, Василівській и Петрівській*». Отъ Василівського до Петрівськаго пруда будетъ, я думаю, около двухъ верстъ; на этомъ протяженіи протекаетъ узкимъ ручьемъ рѣчка Изюмецъ, орошая хорошо низменность, на которой у добрыхъ людей и обильныя водою криницы и отличные огороды, и сады по ту и по другую сторону рѣчки. Пруды *Петрівській* и *Василівській* находятся по концамъ главной части слободы. Да вѣдь какіе это пруды?! съ версту, пожалуй, длиною. А по-надъ прудами господскіе сады обширнѣйшіе и, во время оно, прелестнѣйшіе. Какъ они были устроены, какъ расположены и какъ содержались въ свое время, даже послѣ смерти уже старыхъ помѣщиковъ, такъ это — просто восторгъ. Впрочемъ, садъ Петра Михайловича устроенъ былъ проще: въ видѣ огромнаго парка, по которому были проведены длиннѣйшія извилистыя аллеи; сбоку его на сѣверъ былъ еще одинъ прудъ, образованный на ручьѣ, текущемъ съ запада. По-надъ этимъ прудомъ расположена западная часть слободы *Жабокряківка*. Ниже плотины этого пруда былъ прекраснѣйшій фонтанъ въ саду и купальня. Садъ, стало-быть, нахо-

дится между двухъ прудовъ и раскинутъ на двухъ взгорьяхъ и на долинѣ, которая образовалась между взгорьями и которую поперегъ сада перерѣзываетъ ручей, идущій изъ сѣвернаго пруда. Во время моего малолѣтства онъ былъ довольно глубокъ, имѣлъ по берегамъ песчаное дно и потому для цѣлой слободы былъ любимымъ мѣстомъ купанья. Теперь этотъ прудъ называется *Чернобаевскимъ*, но въ мое время онъ назывался по преимуществу *Петрівськимъ*, а тотъ другой звался просто «*Великій ставокъ*». Дворъ Петра Михайловича стоялъ на югозападномъ концѣ сада и былъ разбитъ на три отдѣла: *передній, барскій и черный*. Домъ былъ деревянный, въ одинъ этажъ, съ мезониномъ. Убранство комнатъ было богатое, полы въ нѣкоторыхъ комнатахъ паркетные, а между мебелью находилось и фортепіано, сколько я помню, очень хорошее; но чьей работы — не знаю. У Василія Михайловича домъ былъ каменный, въ два этажа, съ балконами, колоннами, корридорами и даже съ такъ-называемымъ потайнымъ ходомъ изъ темнаго корридора въ нижнемъ этажѣ по витой лѣстницѣ въ одну изъ комнатъ на-верху, гдѣ входилось въ комнату какъ-то мудрено, кажись изъ-подъ мраморной плиты, которая лежала предъ каминомъ; теперь хорошенько не помню. Полы въ домѣ были тоже въ нѣкоторыхъ комнатахъ паркетные, плафоны великолѣпно расписанные; не скажу теперь на вѣрно вездѣ ли, но очень хорошо помню миѳологическую живопись бальнаго зала, который былъ въ два свѣта съ хорами для музыки и, помнится, съ двумя рядами колоннъ. Мебель была обита атласомъ и бархатомъ. Стекла во всемъ домѣ были бемскія, въ палецъ толщиною. Садъ раскинутъ по ту и другую сторону огромнаго пруда, на которомъ находился искусственно устроенный островъ, усаженный тѣнистыми деревьями; на островѣ былъ пріютъ для лебедей и къ острову же сзыва-

3761

лась звонкомъ рыба, которая тутъ-же кормилась и, смотря по надобности, ловилась на-выборъ, какъ будто въ маленькомъ акваріумѣ. Сѣверная сторона сада, особенно часть ближайшая къ господскому дому, была самая очаровательная; много аллей было въ пристрижку, съ нишами въ зелени, гдѣ на скрытыхъ за деревьями тумбахъ были разставлены очень хорошей работы алебастровыя статуи; были крытыя аллеи, устроенныя такимъ образомъ, что посаженныя одно противъ другаго деревья были сведены и связаны вмѣстѣ верхушками надъ поставленнымъ для того рештованьемъ. Садъ на другой сторонѣ пруда, да и вообще подальше отъ дома представлялъ паркъ со столѣтними деревьями. Какія богатыя были оранжереи, какъ у Петра Михайловича, такъ и у Василія, это отчасти еще и въ послѣднее время можно было видѣть, не смотря на то, что послѣдній владѣлецъ, т. е. Дмитрій Андреевичъ, все лучшее перевелъ въ свою резиденцію — въ Константовку. Бугаевка, послѣ смерти Петра и Василія Михайловичей, которые умерли холостяками, досталась со всѣми землями и хуторами дѣтямъ третьяго ихъ брата, Андрея Михайловича: Григорію Андреевичу, который служилъ въ Петербургѣ и былъ каммергеромъ двора Его Величества, Димитрію Андреевичу, который былъ нѣкоторое время губернаторомъ въ Екатеринославлѣ и недавно умеръ насильственною смертью въ глубокой старости, и сестрѣ ихъ Елисаветѣ Андреевнѣ графинѣ Бенкендорфъ. Григорія и Димитрія Андреевичей я въ малолѣтствѣ видывалъ; это были люди видные, сановитые, высокаго роста. Но Елисавету Андреевну видѣть мнѣ недосталось; по этому и не знаю, почему про неё говорилось въ Бугаевкѣ: «Б....ша — одна нога довша». Можетъ быть она и въ самомъ дѣлѣ имѣла такой недостатокъ; а можетъ быть это была только мѣстная острота. Части, принадлежавшія Григорію Ан-

дреевичу и Елисаветѣ Андреевнѣ были въ 40-хъ годахъ отданы въ аренду Н. Д. г. Б. Время это въ Бугаевкѣ считалось игомъ египетскимъ. Доходило до того, что посредствомъ ручныхъ плуговъ женщинами пахали поля. Другія же работы и особенно наказанія за неспѣшность работъ навели панику на народъ и упадокъ духа. Потомъ, не знаю какъ, все опять сосредоточилось во владѣніи одного Димитрія Андреевича.

Когда именно основана Бугаевка неизвѣстно; но подъ 1728 годомъ встрѣчается оффиціальное свѣдѣніе, что туда въ этомъ году переселено изъ Куньяго нѣсколько десятковъ семействъ и въ распоряженіи объ этомъ упоминалось о *Изюмовкѣ*, т. е. Бугаевкѣ, какъ о мѣстѣ давно извѣстномъ. Не извѣстно такъ-же, когда построена тамъ и первая церковь, и удивительно, какъ покойный Филаретъ, архіепископъ прежде харьковскій, а потомъ черниговскій, въ своемъ сочиненіи — «Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи» оставилъ Бугаевку безъ описанія, тогда какъ изъ его же нѣкоторыхъ указаній видно, что Изюмецъ, Изюмовка или Бугаевка (см. отд. 5 стр. 92) была извѣстною по епархіи еще съ 1732 года. Въ архивѣ харьковской консисторіи я нашелъ метрическую книгу за 1799 годъ, изъ которой видно, что въ этомъ году родившихся въ Бугаевкѣ обоего пола было 105, умершихъ 57 и браковъ 12. Слѣдовательно населеніе Бугаевки въ то время было уже большое. Священникомъ тогда былъ тамъ Іоаннъ Андреевъ, а дьячкомъ — нѣкій Вербецкій. Каплица, обозначающая мѣсто старой церкви, находится, какъ я сказалъ уже, на Мѣщанкѣ, на площади, образуемой восточною стороною сада Петра Михайловича и ближайшими крестьянскими строеніями. Въ память храмоваго праздника прежней церкви въ Бугаевкѣ осталась ярмарка въ день св. Іоанна Богослова, осенью, т. е. 26-го сентября. Въ

доровка, — огромные выселки, немного меньше, чѣмъ сама Бугаевка, и два хутора — Боголюбівка и Шалопутівка. Нынѣшняя церковь въ Бугаевкѣ построена по случаю, описанному мною въ преданіи о храмовой ея иконѣ, въ 1819 году, какъ и въ описи значится, Василіемъ Михайловичемъ. Она — прекрасной архитектуры, каменная, съ хорами и великолѣпнымъ портикомъ надъ престоломъ на четырехъ золоченыхъ колоннахъ съ золоченымъ круглымъ куполомъ. Мой отецъ, Стефанъ Александровъ, поступилъ туда священникомъ, кажется, въ 1820 году. Предмѣстникомъ его тамъ былъ нѣкто отецъ Стефанъ Сердечный. Вторымъ священникомъ при отцѣ былъ сначала отецъ-Егоръ Куницинъ, потомъ нѣкто отецъ-Семенъ по фамиліи, кажется, Протопоповъ, и наконецъ Тимофеевъ, отецъ-Прокопій, оставшійся послѣ моего отца старшимъ и вскорѣ потомъ умершій. Къ Тимофееву младшимъ поступилъ отецъ-Петръ Грековъ, оставшійся послѣ Тимофеева старшимъ. Но и Грековъ теперь уже умеръ, а его мѣсто занялъ отецъ-Петръ Котляревскій, при которомъ есть и второй священникъ. Бугаевскія же всѣ владѣнія по смерти Димитрія Андреевича, кажется послѣдняго изъ рода Донецъ-Захаржевскихъ, проданы за долги наслѣдника, его племянника Н. Похвистнева, съ публичнаго торга.

Прибавить стоитъ, что Бугаевка при Петрѣ и Василіѣ Михайловичахъ была самымъ цивилизованнымъ мѣстомъ въ томъ краѣ и находилась въ апогеѣ своего благоденствія; а цивилизаторомъ ея былъ по преимуществу Петръ Михайловичъ. Начать съ того, что у Петра Михайловича былъ свой оркестръ музыки и свой пѣвческій хоръ и всѣ, конечно, какъ музыканты какъ и пѣвчіе, обучались грамотѣ. Кромѣ того всѣ писаря, конторщики и т. п. были изъ своихъ же грамотныхъ людей. За-тѣмъ не возбранялось никому обучать грамотѣ своихъ дѣ-

тридцатыхъ годахъ ярмарка переведена на выгонъ къ теперешней церкви, а прежде она всегда выстраивалась на Мѣщанкѣ, на той площади, гдѣ каплица старой церкви. На той-же площади находится и зданіе памятника покойному Петру Михайловичу, построенное въ видѣ небольшой церкви со склепомъ подъ поломъ, гдѣ онъ и погребенъ. Зданіе это — четырехъ-угольное, каменное, кажется, аршинъ семь или восемь длины и ширины; въ 30-хъ годахъ оно было еще съ деревяною оградою кругомъ и обсажено пирамидальными тополями. Вышина зданія очень значительная, но пропорціональная его обширности; архитектура очень красивая. Въ зданіи устроена молельня, восточная стѣна которой украшена прекрасною живописью въ видѣ иконостаса, предъ которымъ стоитъ налой для совершенія паннихидъ. Памятникъ этотъ былъ построенъ самимъ Петромъ Михайловичемъ и оконченъ еще при его жизни. Василій Михайловичъ похороненъ у себя въ саду, влѣво отъ дома, въ уединенномъ мѣстѣ, а памятникъ надъ нимъ состоитъ изъ двухъ или трехъ сотень кирпича, сложеннаго въ видѣ холмика, съуживающагося и закругляющагося къ серединѣ и кверху, съ небольшимъ на-верху желѣзнымъ вызолоченнымъ крестомъ. На памятникѣ Петра Михайловича утверждена вмѣсто креста металлическая разрисованная фигура, кажется, ангела, держащаго якорь, кверху оканчивающійся крестомъ.

Вся Бугаевка раздѣлена на 4 части: 1) *Довгалівка*, улица идущая съ востока на западъ, длиною версты въ двѣ; теперь это центръ слободы, которымъ прежде была 2) *Міщанка;* 3) *Заболотівка*, расположенная параллельно Довгалівкѣ на лѣвой или южной сторонѣ рѣчки, и 4) *Москалівка* — на востокъ, по-надъ прудомъ, что выше сада Василія Михайловича. Къ бугаевской экономіи принадлежали: *Вітрівка* или Чистоводовка, *Пятигайлівка* или *Фе-*

тей и даже отдавать въ учебныя заведенія. Я еще и теперь знаю въ нашей епархіи одного почтеннаго священника, сына бывшаго дворовaго человѣка покойнаго Петра Михайловича, и знаю такъ-же сына этого священника, тоже прекраснаго молодаго священника, значитъ внука того-же дворовaго человѣка. У меня же былъ товарищъ по университету, сынъ бывшей дворовой женщины Петра Михайловича; а теперь онъ профессоромъ въ.... университетѣ. Сами Петръ и Василій Михайловичи отдавали способныхъ мальчиковъ на свой счетъ учиться ремесламъ и искусствамъ, и не думаю, чтобъ все лишь — съ своекорыстною цѣлью. Но какъ бы тамъ ни было, а и въ мое время въ Бугаевкѣ можно было имѣть и хорошаго портнаго, и хорошаго сапожника, и хорошихъ кузнецовъ, и отличныхъ столяровъ; даже былъ свой фортепіанный мастеръ, который исправлялъ и строилъ фортепіана на пространствѣ двухъ уѣздовъ — изюмскаго и купянскаго. Замѣчательнѣе всѣхъ между разными художниками въ Бугаевкѣ въ мое время были трое: 1) живописецъ Михайло Пигина, 2) математикъ Романъ, кажется по фамиліи Сторкачъ, и 3) фельдшеръ, тоже не помню фамиліи, а вообще онъ назывался Московскимъ Ѳедькой.

Пигина воспитывался въ Петербургѣ у одного изъ профессоровъ академіи художествъ и писалъ очень удовлетворительно; но воротился изъ науки, во-первыхъ, болѣзненнымъ и задумчивымъ, а во-вторыхъ — съ странностью: какое бы лицо онъ ни писалъ, былъ ли то святой на иконѣ, или портретъ съ кого-нибудь, онъ непремѣнно дѣлалъ голубые глаза. Помню, однажды мой батюшка заказалъ ему написать извѣстную въ-старину картину запорожца, сидящаго подъ деревомъ и играющаго на бандурѣ, съ извѣстною подписью въ стихахъ:

«*Козакъ душа правдивая*»..... и проч.

Чтобъ картина была ближе къ натурѣ, батюшка просилъ Пигину скопировать лицо запорожца съ нѣкоего Христофора, по ремеслу портнаго, забубеннаго человѣка, огромнаго роста, смуглаго, съ длинными тонкими черными усами, съ хмурымъ выраженіемъ лица. Пигина нарисовалъ картину и принесъ. Картина вышла отличная, но черномазый запорожецъ все-таки очутился съ голубыми глазами. «Что ты, Михайло Василіевичъ? говоритъ ему отецъ, зачѣмъ ты и запорожцу сдѣлалъ голубые глаза? При томъ же ты писалъ съ натуры, а у Христофора вѣдь глаза черные». «Нельзя, батюшка, отвѣчалъ онъ; я, писавши картину, приложилъ своего сердца — такъ, что и самъ её теперь люблю. А еслибъ тутъ глаза были не голубые, то какъ бы я любилъ её? Нельзя!». Такъ на томъ и покончили, и черномазый запорожецъ остался съ прелестными голубыми глазами.

Романъ воспитывался не знаю гдѣ; а я помню его вотъ по какому случаю: когда я окончилъ курсъ уѣзднаго училища и пріѣхалъ домой на-каникулы, то батюшка поручилъ мнѣ свести счеты по своимъ метричнымъ и другимъ книгамъ, которыя долженъ былъ представить благочинному. Я конечно напуталъ и счетовъ свести не съумѣлъ. Такъ батюшка мнѣ и говоритъ: ну, братъ, хоть ты окончилъ курсъ и съ похвальнымъ листомъ, однако я вижу, что ты по ариѳметикѣ плохъ. Хочешь, я познакомлю тебя съ нашимъ бугаевскимъ математикомъ Романомъ? Онъ, братъ, отлично знаетъ не только ариѳметику, но и алгебру и геометрію. Я объ алгебрѣ и геометріи тогда и понятія никакого не имѣлъ; поэтому просилъ батюшку, чтобъ познакомилъ. Батюшка велѣлъ запречь лошадь и мы поѣхали къ Роману. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ передъ вечеромъ. Входимъ въ хату и видимъ: жена его затопила въ печи и разогрѣваетъ ужинъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ деревняхъ; а онъ сидитъ на ни-

зенькой скамеечкѣ у лавки, которая идетъ отъ порога до покутя, и мѣломъ на лавкѣ пишетъ какія-то математическія выкладки и все подвигается вправо *къ покутю* [1], оставляя написанное влѣвѣ нестертымъ. Поздоровались мы; батюшка и спрашиваетъ: «Что это ты, Романъ Петровичъ, пишешь?». Да вотъ, батюшка, говоритъ Романъ: третій день бьюсь съ одною теоремою и никакъ не рѣшу. «А крѣпко тебѣ нужно рѣшать её?!»—спрашиваетъ отецъ. Романъ помолчалъ; а потомъ и говоритъ: да какъ вамъ сказать, батюшка... оно дѣйствительно не нужно, бо есть дѣла и понужнѣе. Но вѣрите ли? какъ добьешься.... какъ рѣшишь.... такъ будто деньги нашелъ: такъ сдѣлается радостно!.. Этотъ Романъ у себя и школу держалъ: сынишковъ зажиточныхъ сосѣдей грамотѣ обучалъ.—У Пигины тоже были ученики по живописи.

Московскій Ѳедька распространеніемъ просвѣщенія не занимался; онъ былъ только отличный балагуръ и отлично лѣчилъ всѣхъ на-повалъ. Бывало за нимъ присылаютъ помѣщики верстъ за двадцать и далѣе, и всѣ были имъ довольны; а мы, дѣтишки, просто его обожали. Чуть гдѣ бывало явится Ѳедоръ Гавриловичъ, такъ дѣтишки его и обсыпали: Ѳедоръ Гавриловичъ, голубчикъ! разскажите намъ сказку. «Хорошо, хорошо.... садитесь». Разсядутся дѣтишки, кто гдѣ попало: кто у него на колѣнахъ, кто возлѣ, на полу и онъ начинаетъ... Да какъ вѣдь хорошо говорилъ—чудо. А иногда, если ему не когда, то онъ все-таки рѣзко не откажется удовлетворить желаніе безпокойной публики, а начнетъ такъ: Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь Костѣй и задумалъ онъ построить себѣ дворецъ изъ костей. Стали мастера строить и всѣ свои инструменты попортили и поломали: потому—кости имъ очень сухія дали. Доложили царю и онъ приказалъ кости въ

[1] Красный уголъ.

рѣчкѣ намочить, чтобъ легче было потомъ рубить ихъ и пилить. Когда кости размокнутъ и мастера опять начнутъ строить дворецъ, тогда будетъ и сказкѣ конецъ; а теперь надобно ждать, покуда кости размокнутъ.... Прощайте!». Ѳедоръ Гавриличъ, Ѳедоръ Гавриловичъ! доскажите. «Да какъ-же досказывать, когда еще кости не размокли и дворецъ не строится? прощайте! Когда кости размокнутъ и постройка пойдетъ, тогда я опять прійду и доскажу, что тамъ узнаю». И мы ждемъ его съ нетерпѣніемъ..... А какъ онъ бывало замаскируется, да скопируетъ нѣмца Л....., который завѣдывалъ овцами и командовалъ овчарами, или садовника В....., тоже нѣмца, такъ выходилъ цѣлый спектакль, гдѣ Ѳедька увлекалъ всѣхъ не менѣе того, какъ теперь увлекаютъ многихъ знаменитые сценическіе чтецы. Отличный былъ балагуръ и отличный человѣкъ, да и вице-докторъ хорошій, онъ и меня не разъ лѣчилъ.... Дай Богъ ему царство небесное! Надо сказать, что и Петръ Михайловичъ и Василій Михайловичъ содержали у себя при дворахъ по нѣсколько семействъ изъ различныхъ европейскихъ народностей: были тамъ и нѣмцы и французы, и англичане и италіянцы. Тотъ завѣдывалъ овцами, другой оранжереями, третій музыкою; а иные жили просто для компаніи и веселости. Съ своими людьми старики жили любовно и жалѣли ихъ; особенно Василій Михайловичъ. Такъ, разсказывали, на-примѣръ, что однажды Василій Михайловичъ гулялъ у себя по саду. Вдругъ видитъ: идетъ чрезъ садъ мужикъ. Ходить чрезъ садъ никому никогда не запрещалось; это была ближайшая дорога съ *Москалівки* на *Довгалівку*. Идетъ мужичекъ, видимо очень грустный. Василій Михайловичъ остановилъ его и, поздоровавшись, спрашиваетъ: чего ты, пане-брате, такій смутный? «Та несчастя, пане-добродію, лучилось». Якс? «Та вілъ у мене що не есть лучшій здохъ. Тутъ пора робоча,

треба ораты, а тутъ хочъ вовкомъ вий». Ну, говоритъ Василій Михайловичъ, это еще ничего. Я тебѣ вола дамъ; только ты прійди ко мнѣ въ самый обѣдъ, когда я со всѣми моими нѣмцами буду сидѣть за столомъ. Прійди и скажи лакеямъ, чтобъ тебя прямо ко мнѣ въ горницу привели; скажи, что *я* велѣлъ. А какъ войдешь, то и скажи: у мене, мовъ, пане, вілъ здохъ; возьмітъ его, будьте ласковы, собі; а мінї живого дайте. А какъ я спрошу: на что-жъ мнѣ твой дохлый волъ? — то ты скажи: да у васъ, пане,... німцівъ багато, вони зъідятъ. Бо все равно: їдятъ же вони жабъ изъ болота, то чомъ и пàдалі зъ выгона не їсты?». Такъ и сдѣлали. Мужикъ пришелъ и, какъ велѣно, сказалъ.... Нѣмцы взбѣсились; нѣкоторые горячіе изъза обѣда ушли. А Василій Михайловичъ похохоталъ и мужику подарилъ вола, чтобъ не допустить разстройства въ хозяйствѣ.

Многіе зажиточные мужички учили своихъ дѣтей грамотѣ и этимъ особенно успѣшно занимался діаконъ. Онъ держалъ школу и къ нему отдавали учиться мальчиковъ даже изъ сосѣднихъ вольныхъ слободъ потому, что онъ выучивалъ ихъ какъ-то скоро и, главное, сообщалъ искусство красиво писать. А въ семейства священниковъ отдавали зажиточные мѣщане вольныхъ сосѣднихъ слободъ своихъ дѣвочекъ для сообщенія имъ, какъ бы сказать?.... признаковъ образованности, что-ли... При чемъ, кромѣ чтенія, письма, шитья и т. п., онѣ обучались играть на гитарѣ и танцовать: вальсъ, экоссесъ и проч. Главное же — въ Бугаевкѣ онѣ могли увидѣть и почерпнуть то, что можно было найдти развѣ въ большихъ городахъ. Сверхъ того, надо сказать, что нравы въ то время въ Бугаевкѣ были примѣрные: о воровствѣ непристойномъ пьянствѣ, дракахъ и т. п. почти и помина не было. Въ семействахъ же лучшаго общества постоянно господствовало согласіе, любовь и деликатность въ обхожденіи. Между собою семейства жили очень дружно и часто про-

водили время вмѣстѣ, нерѣдко при звукахъ музыки, такъ-какъ распущенные по-домамъ послѣ смерти Петра Мих. музыканты, получившіе въ подарокъ при отпускѣ инструменты, почти всѣ оставались въ Бугаевкѣ, и стоило только мигнуть, то человѣкъ шесть, всегда могли явиться. А играли они никакъ не хуже извѣстныхъ въ свое время по Харькову музыкантовъ хорватскихъ и стремоуховскихъ. Скрипачъ же тамъ былъ Петръ Ивановичъ, такъ тотъ такъ игралъ, что, какъ выражались о немъ, *душу вынималъ*. Повѣрите ли? Если бывало попросятъ его съиграть соло *полонезъ Огинскаго*, или какую-нибудь задушевную малороссійскую пѣсню, то онъ такъ играетъ, что всѣ плачутъ, и онъ самъ наконецъ заплачетъ, да и перестанетъ. Даже мы — дѣтишки и то плакивали заурядъ съ старшими. Удивительно игралъ!...

Пѣніе церковное еще и за моей памяти стояло очень хорошо, отчасти потому, что мой отецъ былъ самъ музыкантъ и хорошо игралъ на скрипкѣ, за что его покойный Петръ Мих. очень любилъ и нерѣдко бывало упроситъ, дирижировать оркестромъ, да и восторгается удивляясь, почему считаютъ неприличнымъ человѣку въ рясѣ управлять оркестромъ? Вѣдь можетъ же онъ управлять пѣвческимъ хоромъ?! У діакона и обоихъ священниковъ были очень хорошіе голоса. И если они, бывало, поютъ тріо, напримѣръ — «Да исправится молитва моя» — или при плащаницѣ «Благообразный Іосифъ» и т. п., — эти вещи они всегда вмѣсто пѣвчихъ сами пѣли, — такъ тоже не разъ предстоявшіе плакали, и у многихъ, молившихся подъ ихъ пѣніе въ дѣтствѣ, до старости осталось благоговѣйное воспоминаніе, неизгладимое чувство умиленія и расположеніе всегда находить удовольствіе въ слушаніи службъ церковныхъ.

ПРОВЕРЕНО 1994 р.
Перевірено 1948 р.